

Он привык к небольшим баракам и тесным кроватям на суперавианосце, а потому нынешняя комната слишком поражала своей просторностью. Беспокойство одолевало его даже от простого торчания на суше, и он не мог толком заснуть. Как сын лидера племен Открытого Моря, «дитя» командира флотилии, Измаил с детства жил на палубе судна. Его обуревали странные чувства, когда стоял на твердой земле, что не ходила волнами.

И поэтому, когда до наступления утра раздался сигнал коммуникационного терминала, он ответил сонным, охрипшим голосом:

— ...А-а.

— Старший брат. Прошу прощения за столь ранний звонок.

— Эстер.

Во Флотилии Сирот вся команда воспринимала командира флота за мать или отца. Капитаны судов видели друг в друге братьев и сестер, а экипаж в несколько тысяч человек — младших братьев и сестер.

Каждый в племенах Открытого моря смотрел на старших как на своего рода родителей, а новорожденный ребенок для них был сродни общинным дитем. У всякой семьи и города имелся свой корабль, образуя одно племя во флоте Открытого моря. Этот обычай передался Флотилии Сирот, где сформировалась своеобразная, характерная манера обращения к офицерам.

Измаил и Эстер исходили из разных племен Открытого моря, потому, строго говоря, они не считались «братом и сестрой». Но каждый из них потерял племя и избрал путь организации разрозненной Флотилии Сирот, так что она могла называть его братом.

Капитан, потерявший все племя за исключением суперавианосца, и лейтенант, которая потеряла судно и большую часть своего племени.

Многих «младших братьев и сестер» поразили похожие обстоятельства. Флотилия Сирот вобрала в себя последних выживших из одиннадцати племен Открытого моря, образовав солянку из происхождений, родов и даже судов. Каждый нес на себе потери и горе, и все они устроились вместе.

Разрозненная, осиротевшая флотилия.

Командир флота разделил свою судьбу с каждым членом экипажа. И, быть может, как отец, он пожертвовал жизнью, чтобы дать своим подчиненным сбежать. Поэтому у Флотилии Сирот не было командира. Капитан флагманского судна и суперавианосца считался старшим в племени и последним, кто мог унаследовать роль командира — это было его право.

Но по тем или иным причинам роль не устраивала Измаила.

— Шторм приближается. Наконец-то.

— Да.

Наконец-то.

†

Под покровом ночи суперавианосец Стелла Марис покинул порт.

Взошла новая луна и, поскольку ночь освещали лишь звезды, темнота была всеобъемлющей. Он вышел в море, спрятанный штормом. Тайное отплытие. Сохранялось радиомолчание, свет на корабле не включали.

На палубе царил полный мрак, но даже так, на ней все равно осматривались некоторые из «восемьдесят шесть». Экипаж Стеллы Марис по уши погряз в делах, каждый выполнял отведенную ему роль после отплытия. В результате процессорам — если прыгнуть достаточно далеко в логике, их можно считать за багаж — нечем было заняться.

Им велели не включать свет, а от экипажа последовало предупреждение держаться подальше от бортов судна, иначе есть шанс перевернуться за него. Несколько из числа «восемьдесят шесть» расположились на определенном расстоянии друг от друга и наблюдали за удаляющимся берегом.

Отплытие происходило поздней ночью, когда люди обычно уже во всю спят. Но по мере исчезновения скалистых берегов, в порту города собиралось все больше людей. Никто из них не зажег источник света, чтобы избежать обнаружения. И пришли не только взрослые; дети тоже — родители либо держали их за руку, либо несли их. Они ничего не говорили, просто махали.

Тайное отплытие. Горн Стеллы Марис не прогремел. Но и без него люди собрались вместе, чтобы помахать руками.

Зрелище оставило после себя странное яркое впечатление.

□

Ночи в высокоширотных областях летом были короткими, поэтому судна Флотилии Сирот отплыли из соответствующих портов накануне вечером, ведь требовалось приблизиться к цели под покровом темноты.

Они держали направление не на северо-запад, к Мираж-Шпилю, а скорее прямо на север, чтобы добраться до архипелага Летное перо. Архипелаг представлял собой несколько малых, скалистых островов, где обитали только морские птицы. Судна скрывались среди зубренных скал — их изъела со временем морская вода — целый день в ожидании начала операции.

Стоя на верхнем уровне мостика Стеллы Марис, так называемом сигнальном мостике, Лена в любопытстве осматривалась. Для них начался день ожидания. Им нужно было вести себя как можно тише во избежание обнаружения, но она привыкла, а потому проблему в этом не видела.

Суперавианосец был рассчитан на продолжительное плавание — по крайней мере шесть месяцев, — поэтому на борту имелась часовня и библиотека. Измаил сказал, что во время ожидания они могут воспользоваться ими, и разрешил осматриваться на сигнальном мостике.

Услышав топот со стороны лестницы, Лена обернулась и заметила Эстер.

— Полковник Миризе, не хотите спуститься на палубу? Там можно взглянуть на кое-что очень интересное.

— Палубу? Нет, я...

Лена чувствовала себя неуютно, что приходилось отказывать Эстер и остальным членам экипажа, но она решила не смотреть на море до того, как закончится война. Однако, только мельком глянув вниз и заметив темно-синий свет, она вдруг поняла одну вещь. Ей хотелось увидеть море. Любопытство в сердце тянуло ее.

Заставив себя отвернуться, она покачала головой. В конце концов, она пообещала вместе посмотреть на море после окончания войны.

□

Анжу и Дастин пришли на палубу по мановению экипажа, но, когда взгляды их опустились на сцену перед ними, они в неверии задержали дыхание. Темное море сверкало подобно звездному свету, словно отражая черное небо над головой.

— Вау...

— Волны... блестят...

На черных бархатистых водах мерцали бледно-синие вкрапления иллюзорного света, будто стайка светлячков рассыпалась по морю. Особенно на тихо разбивающихся холмистых волнах. Каждый раз, как волны обрушивались на скалы или борт судна, они оставляли после себя сияющий бледно-синий хвост.

Позвавшие их члены экипажа рассказали, что это ночесветка — фосфоресцирующие микроскопические организмы. Двое молчаливо наблюдали за синими лучами холодного света. По полетной палубе прогуливались силуэты. По-видимому, экипаж позвал остальных процессоров.

— Так красиво... Настолько, что мне не по себе от того, что не могу повысить голос для восхищения.

— Мы на поле боя, как-никак... С удовольствием бы посмотрел на это зрелище, как война закончится.

Анжу оцепенела от этих слов. Дастин не знал об информации Зелен, конечно. Он просто высказал туманное желание. Мечта, чтобы война закончилась, и после нее наступила мирная жизнь.

— Дастин-кун, ты...

Она все еще не могла себе вообразить, как это будет. Но что насчет Дастина? Он покинул Республику, презренно негодуя от их действий, во имя искупления грехов. Чем он займется, если поле боя исчезнет?

— Ты вернешься в Республику, когда войне придет конец?

— ...Наверное. Им нужны люди для помощи в восстановительных работах. Разве что...

Анжу смотрела на него и видела внутренний конфликт.

«Если ты против, я не стану туда возвращаться», — Дастин не был уверен, должен ли он закончить именно этой фразой. Она так же, как он, сомневалась в том, правильно ли будет сказать, что заметила в нем эту неуверенность. Анжу не знала, как отреагировать на такое предложение — отшутиться ли?..

Она сблизилась с Дастином. Не настолько, как с Дайей, но... определенно ближе, чем в самом начале. И потому Анжу чувствовала некую дистанцию — неловкую, но в то же время по-своему приятную.

□

Летная палуба для взлета и посадки самолетов не была обнесена поручнями или ограждением. В этой части корабля, где ничего не загораживало обзор, уселся Сео. Рядом с ним, поддавшись вперед подобно любопытному котенку, находилась Крена.

— ...Ну, тоже своего рода синее море.

— Да уж!..

«Море, а?.. Как война закончится, давайте вместе сходим к нему», — произнесла год назад Крена, когда они гнались в стан врага в погоне за Морфо. Теперь ее глаза сверкали при виде синего свечения воды.

Как звездная пыль над головами, сцена была яркой, но тьму не разгоняла. Просто иллюзорное синее сияние. Как пузыри бледного света, едва видневшиеся в холмистых волнах. Ночная тьма вовсе не скрывала их, а делала еще заметнее.

Сео глядел на водную гладь и чувствовал ужас, словно в любую секунду из темных глубин поднимется нечто. Слова сорвались с уст прежде, чем он остановил себя:

— И по итогу и впрямь кончилось тем, что мы вышли... к морю.

— По итогу кончилось? — повторила с улыбкой Крена. — Сказал так, будто совсем не хотел этого.

— М-м... Просто кажется... еще рано.

Он не хотел говорить об этом Шину, Райдену или Лене. Сейчас он мог выговориться лишь потому, что рядом находилась Крена.

— Я думал, мы сходим к нему только после того, как все уляжется, — продолжил Сео. — Когда я пойму, кем хочу стать... куда захочу отправиться...

— ...В таких вещах спешить не надо. Не заставляй себя, — сказала Крена.

Вопреки сказанному, она обхватила себя за колени, как покинутый ребенок.

— Мы друзья. Мы товарищи. И это никогда не изменится... Лейтенант Эстер сказала мне так. Поэтому — с нами все будет в порядке.

Что бы ни произошло, узы образа жизни «восемьдесят шесть» не разорвутся.

— Как думаешь?

Эстер, Измаил... встреченные на этих землях потомки племен Открытого моря. У них было кое-что общее. Они потеряли родины и семьи из-за разрухи войны, но продолжили жить с

гордостью.

— ...Да. Может так и будет.

Он был рад встретиться с ними. Рад, что прибыл в эту страну. Он повстречался с людьми, что все потеряли и проживали каждый новый день с улыбкой, даже когда осталась одна лишь гордость. Покуда у них есть эта сплоченность, они всегда найдут причину жить дальше.

И раз они смогли, то это должно получиться и у «восемьдесят шесть».

— Я был несколько на взводе из-за всего, что случилось, но... Да, ты права. С нами все будет в порядке.

□

Над ним висело ночное небо, усеянное звездной пылью. Прямо как в восемьдесят шестом секторе с его лишенным искусственным светом. А под ним лежало море с мигрирующими синими светлячками.

Еще будучи в восемьдесят шестом секторе, он смотрел на звезды без тени эмоций. Но теперь, два года спустя, они вселяли в него чувство покинутости. Что восемьдесят шестой сектор, что обширное море не были частью человеческого мира. И как ни странно, на сердце давило это одиночество.

На этой большой, трехсотметровой летной палубе он не заметил проблеска длинных серебряных волос Лены. Он подумывал пригласить ее, но Вик сказал, что она решила не смотреть на море до того, как война будет окончена. В некотором смысле это своего рода ответ на его предложение.

Не то чтобы его не радовало это... Но он умирал от желания узнать про другой ответ.

Тогда-то он мельком заметил спину Измаила у носа судна. Он опустился на колени, судя по всему, не приметив Шина. Со стороны казалось, что он... целует полетную палубу — с достоинством и благодарностью, которыми одариваешь престарелую мать.

— ?..

Шина охватило любопытство, почти что сомнение. Что делал Измаил?

Но Фредерика окликнула его, и Шин обернулся, тут же позабыв увиденное.

†

— 9-й флот Мишия — 8-му флоту Арш. Подтверждаю прибытие на стартовую линию операции. Начинаем атаку.

Следующий день. Два диверсионных флота покинули флот метрополии и устремились по прямому курсу к берегам территорий Легиона, прежде чем сменить направление. Каждый флот описал дугу на пути к базе Мираж-Шпиль, и теперь находился близ границы зоны обстрела врага.

— Принято. Да снизойдет на вас благословение святого Эльма.

Флотилия Сирот объявила радиомолчание. Эстер молча ответила на молитву, понимая, что ее не услышат.

Снаружи длилась их вторая ночь в море — сквозь грозовые облака лишь мельком проглядывались пятна звездного света. Капитан, ее «старший брат», сейчас отдыхал в качестве подготовки к началу операции. Она заменяла его на интегрированном мостике.

— Распоряжение всем кораблям во Флотилии Сирот. Готовьтесь выдвигаться. Как только диверсионный флот вступит в сражение, мы поплывем к Мираж-Шпилю.

— Есть, мэм. Как там Старший брат?

— По-прежнему отдыхает. Он должен быть на пике формы, когда флот вступит в бой, чтобы довести начатое до конца.

†

— 8-й флот Арш — 9-му флоту Мишия. Приманка-пять, потеря подтверждена... Вступаем в бой.

†

Два отвлекающих флота вступили в сражение, и под завесой этого маневра Флотилия Сирот отправилась в ночную тьму. В жилом блоке Лена переделалась в связи с подготовкой к прибытию в зону военной операции через несколько часов. Она быстро выглянула наружу, подтвердив, что по коридору вдоль ее каюты никто не ходит...

...ведь переделалась она из своей обычной формы в Цикаду.

Это уже третий раз, но она совсем не привыкла к костюму. И хотя по возвращению из

Объединенного королевства для нее приготовили... менее облегающую форму, она забыла взять ее с собой.

Потому ей страшно не хотелось стоять перед экипажем Стеллы Марис в этом наряде, который излишне подчеркивал каждый контур и изгиб тела. Чуть позже ее ожидает инструктаж с капитаном — и там же будет Шин.

Может, ей одолжить рабочую одежду у Анжу или Шаны?..

С этой мыслью в голове Лена выглянула в пустой коридор. Упомянутые девушки были выше ростом, так что она, наверное, может накинуть одежду поверх Цикады. Шиден вообще-то тоже подходит под описание, но что-то останавливало Лену брать именно у нее.

Причину она объяснить не могла, но у нее было такое чувство, что просить Шиден об одолжении не в ее интересах.

Она высунула голову из двери и, посмотрев в другом направлении, натолкнулась на стоящего Шина. Лена тут же одеревенела. Шин прирос к месту; глаза слегка распахнулись при виде Лены в Цикаде.

Фиолетово-серебристые искусственные нервные волокна образовывали псевдомозг, покрывающий все тело. Цикада очень плотно облежала его, и потому выделяла все изгибы, не оставляя места воображению. Ко всему прочему, определенные части ее тела не имели поддержки, поэтому покачивались при каждом шаге.

И Шин смотрел прямо на нее.

Если так подумать... Шин застукал Анжу и Дастина в, мягко говоря, интимный момент, когда те даже не заметили его. Шаги Шина были устрашающе тихими.

Дальше последовало продолжительное — очень затянувшееся — неловкое молчание.

— Я слышал, как Вик еще в Объединенном королевстве дал тебе нечто под названием Цикада,
— сказал Шин, прервав тишину.

В его взгляде читался убийственный лед. Он словно сдерживал кипящий, готовый вырваться наружу гнев.

— Мне изначально показалось странным, что не смог получить ни единой подробности...
Теперь понятно, почему никто и словом не обмолвился, когда спрашивал напрямую, и почему на базе Ревич Лерче не переставала извиняться.

Да, это объяснимо. Лена не хотела носить этот костюм также, как и не хотела обсуждать его.

— Я спросил у Марселя, так он сбежал со словами, что не хочет умирать... Похоже, нужно было взять дело в свои руки и допросить его прямо там, на месте.

— В свои руки?.. Вы разве не вместе прошли обучение в специальной офицерской академии? Не нужно пытаться...

— Не меняй тему, Лена. Дело вообще не в Марселе.

Ох. Так Шин и злиться умеет.

Он подошел ближе — так близко, что их носы практически соприкасались, — что несколько удивило ее, и она отпрянула. Одна мысль проскользнула в голове, пока отчаянно искала укрытия от реальности. Это в первый раз, как Лена видит его в явно дурном настроении. И это было ново для нее, из-за чего она слегка обрадовалась.

— Нет, э, я не нарочно пыталась скрыть, но... э-это принесло пользу. Просто знаешь, немного... очень... смущает...

Она тяжело выдохнула, словно спустила внутреннее давление. Шин молча повернулся.

— Понял. Пойду убью Вика и сброшу тело за борт.

— Шин?! Ч-что ты такое говоришь?!

— Я оставил свой пистолет в ангаре, но справлюсь и с заточенной лопатой. Священник рассказывал, как по юности убивал с помощью нее вражеских солдат.

— О чем священник думал, когда говорил о таком детям?! Нет, то есть, откуда на суперавианосце взяться лопате?!

Никто даже надеяться не мог забить лопатой самоходную мину — противопехотные оснащались взрывчаткой с картечью направленного действия с эффективной дальностью пятьдесят метров, — и Шин никогда не обучался пользованию лопаты в сражении, ведь специализировался на ведении боя с Легионом.

У Лены невольно вырвалось язвительное замечание, но и оно было воспринято по-своему.

— Ладно, тогда просто выкину за борт. Должно получиться. Капитан Измаил говорил, большая часть упавших в открытое море тонут, к тому же это идеальный способ скрыть труп...

— Шин!

□

— М-м.

По телу Вика пробежала дрожь.

Он находился в рубке полетной палубы, которая располагалась на первом этаже мостика. Ее сделали временным конференц-залом для последнего инструктажа.

— Как странно пробрало-то... — пробормотал он про себя.

— Может быть, вы заболели, Ваше Высочество? — спросила Лерче, вопросительно наклонив голову.

— Если пришлось бы описывать, чувство такое, будто кто-то выкапывает могилу для меня. Плохое предчувствие.

— Скорее всего, тебя застигла остаточная вина за пошлый наряд, в который заставил приодеться меня, Анжу и Лену еще в Объединенном королевстве, — вмешалась Крена.

Вик нахмурил изящные брови.

— Ты имеешь в виду Цикаду.

— Знаю, это может казаться шуткой, Ваше Высочество, но не для нас, — добавила Анжу. — Мы это вполне можем счесть за сексуальное домогательство.

— ...Полагаю, от этой клеветы мне не отвертеться. Ладно, тут соглашусь. Продолжайте.

— Признание греет душу, но оно не улучшает положение, — сказала Шиден, смотря на него из-под нахмуренных глаз. — Прикид сделан под стать твоим фетишам? Мерзость.

Крена проигнорировала насупившееся лицо Вика от безжалостных нападок и продолжила:

— Шин наверняка все узнал. Наконец-то.

— Ох... — Вик грациозно покачал головой, не выказывая ни единого признака беспокойства. — А это плохо, да. Кто слил информацию?

Он глянул на Марселя, когда тот в ответ замахал руками в отрицании.

— Эй, стал бы я разбалтывать?! — воскликнул Марсель. — Если хоть слово об этом сказал, Ноузен так и убил бы меня. А потом ты скормил бы останки собакам!

— Хорошо сказал, Марсель. Если бы ты рассказал обо всем Ноузену, он именно что тебя бы и убил. Хотя я лично предпочту после вернуть тебя к жизни и затем сдирать плоть с костей твоих самым омерзительным способом.

— ?!.

— Ваше Высочество... Это совсем не похоже на шутку, когда о таком заявляет создатель Сиринов. Я призываю вас воздержаться от подобных речей... — произнесла Лерче, с жалостью смотря на бледное испуганное лицо Марселя.

Наблюдая за типичной комедийной сценкой пары «создатель-слуга» — в этот раз присоединился Марсель, — Крена манерно заговорила, будто сварливая кошка:

— Думаю, Шин выбросит тебя за борт, либо найдет топор, да раскроит твой череп, Ваше Высочество. Что собираешься делать?

— Ох, тут не о чем беспокоиться. Уверен, наша святая Миризе защитит даже гадюку вроде меня. Ноузен остановится, если Миризе попросит.

— ...

Лена наверняка попросит, и Шин наверняка послушается.

— Ваше Высочество, не против, если в следующей операции я нарочно по ошибке пальну в твоём направлении? — спросила Крена.

«Одна смерть должна хорошо сказаться на нем, — подумала Крена. — Немного, но все же.»

□

Видя, как тот быстро пытается уйти, Лена схватила двумя руками одну его и потянула на себя — как-то ей удалось остановить Шина. Босые ноги покрывали лишь тонкие волокна Цикады, потому пальцы ног терлись о металлический пол боевого корабля. Шин остановился из беспокойства о ней.

— ...Тогда надень хотя бы это. И ходи так, пока не снимешь свой костюм.

Он резко — почти что агрессивно — снял рабочий верх и бросил ей на голову. Затем она опустила куртку на плечи и взглянула на Шина. Ее взгляд встретился с кроваво-красными глазами.

— ...

Воцарилась странная тишина. Не неловкая, но между ними была какая-то нерешительность. Шин первым прервал молчание.

— ...Досадно, что первое море мы видим на поле боя.

Лена вздрогнула от этих слов.

Я хочу показать тебе море... Хочу посмотреть на него — вместе с тобой...

Месяц назад, в ночь бала под фейерверками. Тогда он вверил ей свое желание, и она до сих пор не дала ясный ответ.

— Э... Ну...

Другими словами... прошел уже месяц, и на носу операция. Неловкость с того момента прошла, и теперь они могли поддерживать разговор. Шин подразумевал, что пришло время наконец ответить. Лена заметила это и так ушла в себя, что нужные слова застряли в горле.

— Н-но оно все еще прекрасно! Я впервые вижу что-то подобное.

И сказанное ею прозвучало крайне незначительно. Он слегка выдохнул. Словно ожидал этого. Что еще сильнее смутило Лену.

— О, э... Кстати говоря, Шин, я слышала, к тебе поступило предложение от Союза выучиться контролю своей способности, и ты принял его. Они сказали, семья твоей матери вызвалась помочь. Как все прошло?

— ...Пока у нас была обычная беседа. Сказали, нужно сначала выстроить доверие.

— Понятно... Но я надеюсь, ты скоро поймешь, как управлять ею. Уверена, тебе сразу станет легче. Я очень сильно волновалась о тебе все это время, знаешь ли.

— ...

— Э, а... А?!

Но пока она спотыкалась на каждом слове, Шин внезапно заключил ее в объятие. И глаза ее широко распахнулись, когда их губы вдруг слились в поцелуй. В отличие от той ночи месяц назад, инициативу проявил Шин. Поцелуй вышел кусачий. В нем ощущались тяга, импульс, голод. Свирепость, с которой она не была знакома.

Сердце ее застучало от волнения — она словно вернулась во времени в ту ночь. Кровь ударила в голову, у нее закружилась голова, она растерялась. Это своего рода мужская свирепость, совершенно чуждая ей. Чувство немного напугало ее. Но страх затмили тепло и сладость поцелуя, принесся с собой беспомощное опьянение.

Она с отчаянием цеплялась за него. Чувствовала тепло от кровотока двух тел. Ей казалось, они растворяются друг в друге.

Сколько времени прошло? Их губы наконец оторвались друг от друга, они разом выдохнули, и их дыхание смешалось. Лена оцепенела, уши покраснелись. Она совсем не ожидала этого внезапного поцелуя, и он оставил ее взволнованной и неуверенной, что делать дальше.

— Ты напала на меня тогда, месяц назад, внезапно и застала врасплох. Возвращаю.

Она встретила взглядом с Шином; тот смотрел на нее сверху с обиженным, почти детским выражением лица.

— Когда будешь готова дать ответ... просто дай мне знать.

†

Наступление возглавляли два разведывательных судна. Круговой строй Стеллы Марис рассекал высокие волны и постепенно вошел в шторм. Зловещие темные облака тяжело повисли в небе, и вскоре сверху обрушился сильный ливень, закрывая обзор. Каждый раз, как члены экипажа моргали, ветер менял направление, из-за чего капли дождя в беспорядке стучали по бронированным летным палубам.

Волны разбивались о судна под острыми углами. Корпус скрипел, когда морская вода обрушивалась на корабль.

Оставшееся расстояние до Мираж-Шпиля — сто восемьдесят километров.

†

Интегрированный мостик суперавианосца, предназначенный как для рулевого управления самого судна, так и для командования целым флотом, был разделен на два взаимосвязанных уровня. В одном размещались персонал, что направлял судно на верный курс, и те, кто отвечал за командование и обеспечение поддержки другим суднам. Вторым уровнем пользовались

тактический командир ударной группы Лена и ее подчиненные.

На интегрированном мостике было полно людей, что находились у штурвала еще со времен боя за Страну флота Клео пять лет назад — вдалеке же стоял Измаил. В ожидании битвы окна на мостике закрыли бронированными ставнями. Помещение заполняли бесчисленные голографические экраны, на которых показывались кадры снаружи.

За мостиком бушевал ветер, дождь и яростные волны. Постепенно сильный ветер сменился штормом. Порывы достигали тридцати трех метров в секунду, максимально возможной скорости для ветра. Самая настоящая буря по определению. Вихри достигли разрушительных масштабов.

Заслышав позади себя открытие шлюза, Измаил обернулся и заметил Лену. По какой-то причине она надела мужскую форму Союза цвета стальной синевы — достаточно большую для нее. Она шла вперед неуверенными шажками. Вероятно, снаружи мостика пришлось идти под сильнейшими порывами ветра, какие ей еще не доводилось встречать. Она задержала дыхание. Но вскоре пришла в чувства, и в ее серебристых глазах появилось напряжение.

— Капитан, настало время для последнего инструктажа, — сказала она.

— О, принято. Эстер, оставляю командование в тво...

— Старший брат, — прервал его офицер связи с татуировкой лозы.

Тот обратил на Измаила острый холодный взгляд золотых, оттенка топаза, глаз.

— С 9-го флота Мишия.

— ...Уже? — спросил он уже суровее. — Раньше, чем я думал.

Лена посмотрела на него. Взгляд холодных, зеленых глаз отказывался встречаться с ее взглядом.

— ...Соединяй.

— Принято, — ответил офицер связи, принявшись за консоль.

По интегрированному мостику эхом пробежала передача флота Мишия. Союз предоставил им рейд-устройства, и все же вся связь осуществлялась по радио.

— ...8-й флот Арш, мы знаем, что вы на грани краха! Ответьте нам!

Лена от шока широко раскрыла глаза. Во избежание излишнего недопонимания по беспроводной связи в армии общались стандартизированным языком. Насколько бы хаотичным ни был бой, никто не станет передавать сообщения в таком повседневном стиле. Другими словами, передача предназначалась не напрямую 8-му флоту Арш. Сообщение передавалось Флотилии Сирот.

Ложное вещание, где даже в случае вмешательства в эфир Легиона не раскроется существование третьего флота.

— Говорит скоростной крейсер 9-го флота Мишия, Астра, вместо флагмана Европа! Европа затонула после залпа Морфо. У флота осталось лишь три крейсера! У вас два фрегата и один крейсер, так?!

Флагман — затонул. И дело не только в этом; в распоряжении двух диверсионных флотов должно находиться семь и восемь судов соответственно, а теперь их численность сократилась более чем вдвое.

Лена нервно сглотнула. Но ее поразило, как Измаил и выходцы из племен Открытого моря на мостике оставались спокойными и собранными. Тогда-то она и сообразила.

— Из-за недостатка войск у нас нет выбора, кроме как прервать миссию по уничтожению материнских кораблей разведки. Мы продолжим выполнять приоритетную задачу. По расчетам врагу осталось выстрелить шестьдесят пять... шестьдесят четыре раза. Мы попытаемся подкосить их боеприпас столько, сколько сможем!

Приоритетная задача... Другими словами, выиграть достаточно времени, которое позволит Флотилии Сирот добраться до Мираж-Шпиля. Сколько бы кораблей не потонуло, и даже если им придется пожертвовать всем флотом, они отведут огонь Морфо на себя.

— Да снизойдет на вас благословение святого Эльма, 8-й флот Арш! Пусть встретимся мы под звездой плавания!

— ...Говорит 8-й флот Арш. Принято. На нашей стороне все также. Да снизойдет на вас благословение святого Эльма. Пусть встретимся мы под звездой плавания.

Связь прервалась. Лена озадаченно посмотрела на Измаила. Они говорили про диверсию. Говорили, но...

— Вы с самого начала решили отказаться от диверсионного флота?

— ...Мне не хотелось, чтобы вы слышали это, — произнес он со вздохом. Татуировка жар-

птицы по краю левого глаза вспыхнула. — Это наша проблема... Проблема военно-морских сил Стран флота. Она не имеет никакого отношения к ударной группе. Но да, все так. Это изначально были отряды самоубийц. В плавание отправились только учебные суда и поврежденные корабли с экипажем из старых солдат, которым еще чуть-чуть и в отставку пора. У этой операции чрезвычайно низкая выживаемость. Наш флот не мог выделить что-то другое или предоставить кого-то другого.

И это объясняло, почему, несмотря на предоставленные рейд-устройства, эти флотилии не были ими оснащены.

— Если у Стран флота и есть хоть какая-то надежда на выживание, мы обязаны уничтожить Морфо. А значит Стелла Марис обязана прорваться туда любой ценой. И если для этого потребуются пойти на жертвы, мы на них пойдем... Как только потопят диверсионные флотилии, приманками станут противолевиафановые корабли Флотилии Сирот — наши младшие братья.

Лена так и стояла в безмолвном шоке, пока Исмаил говорил размеренным тоном голоса, каким обычно излагают простые факты. Татуировка жар-птицы лишь яростно подчеркивала его решимость. Эта тату обозначала флот, к которому он некогда принадлежал, судно, где он служил, и родословную родителей. Тату наносилась на все его тело, как и на остальных выходцев племен Открытого моря.

Когда человек умирал в море, морская жизнь и бушующие воды изгладывали лица трупов до неузнаваемости. С незапамятных времен живущие морской жизнью помечали свои тела и одежду местными татуировками с яркими узорами, чтобы их могли опознать потом. Они отмечали себя не просто в каком-то определенном месте, а наносили их по всему телу.

Но делалось это не только из-за изувеченных лиц. Бои с левиафанами зачастую не оставляли после себя никаких тел. Столь яростные сражения даже без останков уже воспринимались за должное. По выражению лица Исмаила было ясно, что он принял эту страшную участь.

— ...Это война. Так или иначе, без жертв не обойтись. Особенно в таких вот случаях, как сейчас, когда позволили выпустить этот монструозный хлам с дальнобойной пушкой, которая запросто может порвать нас на части.

Год назад во время крупномасштабного наступления Союз массово выпустил множество крылатых ракет, тем самым нанеся серьезный ущерб Морфо. Затем отправили наземный крылатый аппарат на скорости сто километров в час с одним единственным отрядом прямо в стан врага.

Теперь под залпами этой же дальнобойной пушки с дальностью выстрела четыреста километров лежала небольшая страна без затратных крылатых ракет и должного технологического прогресса для разработки крылатого транспорта. Не имея иного выбора, кроме как прорываться через бомбардировку врага, они вынуждены компенсировать недостатки кровью своих людей.

Легко осуждать столь гнусный, жестокий поступок. Но...

— ...Простите.

Лена склонила голову.

— За что извиняешься-то? — Исмаил улыбнулся и качнул головой.

Сильный — словно небеса испускали каждую сохранившуюся каплю воды — ливень обрушивался на судно. Голографические экраны, показывающие кадры снаружи корабля, окрасились в белый от дождя. Проливной ливень оказывал огромное давление. Создавалось впечатление, будто буря злонамеренно замышляет сокрушить корабли.

— Но тоже хорошо, что услышала передачу эту... Узнаешь чуточку больше.

Чуточку больше о нас.

Флотилия Сирот взяла с собой предоставленные рейд-устройства. Включив одно, он поднял вещательный микрофон корабля. Любое объявление достигнет каждого уголка этого трехсотметрового судна. Целями для синхронизации были выставлены капитаны Флотилии Сирот, вице-капитаны и офицеры связи.

— Всем членам экипажа. Говорит капитан Стеллы Марис, Исмаил Ахаб.

Он не получил ответа. Но экипаж, составляющий жизненную основу кораблей флотилии, замер во внимании.

— Наша флотилия находится в ста восьмидесяти километрах от вражеской базы. Две диверсионные флотилии отвлекают на себя артиллерийский огонь противника, но, к сожалению, они на грани полного уничтожения. По прогнозам Флотилии Сирот придется перейти к военным действиям раньше, чем ожидалось.

Как знак доверия, первым делом он связался с «восемьдесят шесть», хотя те не являлись ни его подчиненными, ни частью племен Открытого моря.

— Наши союзники, «восемьдесят шесть» — как только мы достигнем Мираж-Шпиля, настанет время продемонстрировать, чего вы стоите. Совсем скоро наш путь станет весьма тернистым, но бояться нет нужды. Если на то пошло, советую просто наслаждаться редкой возможностью. Ведь я даю обещание — суперавианосец Стелла Марис не уйдет ко дну.

Он повторял эти слова снова и снова. Как капитан флагмана и де-факто командир флота, его миссия состоит в том, чтобы доставить их к месту назначения. Он представлял собой

защитника родины, но вынужден полагаться на силу другой страны. И, к тому же, на юных солдат. Конечно, Союз отправил их сюда не из доброты душевной. Тем не менее дети оказались втянуты в недостатки Стран Флота.

Потому он поклялся вернуть их домой живыми, чего бы это не стоило. Он доставит их на сушу в целости и сохранности. Даже если придется подвергнуть себя и Стеллу Марис ужасному позору и бесчестью...

— Всем членам экипажа. Последние выжившие в одиннадцати племенах Открытого моря, мои младшие сестры и братья. Сперва позвольте выразить вам благодарность от лица старшего брата. Спасибо. И также хочу выразить глубочайшее уважение за ваш выбор умереть во славу родины, за то, что отправились в плавание вместе со мной.

Чтобы Стелла Марис добралась до вражеской базы, одиннадцать кораблей военно-морских сил Флотилии Сирот выступят в роли приманки. С ними будут спасательные катера, конечно, но море штормило, а против них — 800-мм пушка, способная разбить целую крепость. Нет гарантий, что кто-либо спасется. И они зашли довольно далеко в море, трупы вряд ли смоем к порту.

Тем не менее сражаться насмерть в неисследованных морских просторах считалось гордостью племен Открытого моря.

— Нашим последним врагом будут не левиафаны, а эти гребанные металлические монстры. Однако смерть наша останется благородной. Давайте завершим это плавание так, чтобы покойный командир флота рыдал от зависти. Так, чтобы его восхваляли будущие поколения. Давайте выйдем в сиянии славы и решимости, какие запомнятся на тысячелетия... Это будет...

Спустя тысячу лет их потомки будут воспевать такие истории. Воспоминания останутся и спустя много-много лет после того, как исчезнет Стелла Марис и отвага Флотилии Сирот.

□

— ...последнее плавание в открытом море Флотилии Сирот, некогда бывшей у наших Стран флота.

□

У Лены перехватило дыхание. Перед ее глазами Измаил поднял кулак в воздух, и за ним повторили флотские офицеры. Лена в неверии наблюдала за ними. «Последнее плавание»? «Некогда бывшей» флотилией? Звучало так, словно... словно признание, что нынешняя Флотилия Сирот последняя оставшаяся у них военная сила, которая навсегда будет утрачена в нынешней операции!..

Через синхронизацию раздался голос Вика. Он ожидал в рубке управления полетной палубой на первом этаже мостика, переделанной во временный конференц-зал — самолеты все равно не будут задействованы в этой операции.

— Авианосцы...

Морская авиационная платформа, ставшая в основу этого суперавианосца...

— ...обладают наивысшей огневой мощностью среди всех линкоров. Но сами по себе они очень хрупкие. Для поддержания постоянной бдительности ему обязательно нужен конвой, а для воздушной обороны — эсминцы и крейсера. Лишь при таких условиях авианосец может сосредоточиться на удерживании превосходства в воздухе. Без этого конвоя его легко потопить. Вероятно, верно это и для суперавианосца.

Даже если суперавианосец переживет этот бой, без сопровождающих кораблей Флотилии Сирот конец. Из-за войны их численность значительно сократилась. Страны флота с их скудными финансами и национальной мощи не смогут построить дорогие судна дальнего плавания и противолодочные.

Без Флотилии Сирот Страны флота Цареубийцы потеряют свой символ и честь — возможность бороздить открытое море. Они отказались от всего, даже от гордости, чтобы дать стране шанс выжить. Бессильное злодеяние для такой небольшой нации.

Измаил продолжил говорить тоном, словно его это ничуть не заботило. Как старший брат, отправляющийся в долгожданное пешее путешествие со своими братьями и сестрами.

Как некогда отряд «Остриё копья», когда исчезли на территориях Легиона в своей последней разведывательной миссии.

— Я запечатаю ваши битвы и смерти собственными глазами. Мы со Стеллой Марис станем вашими рассказчиками. Даже через сотню лет, будучи старым и немощным, я до последнего вздоха буду говорить о вашей храбрости. И спустя тысячу лет останется Стелла Марис — памятник нашего флота, нашей страны и племен Открытого моря. И потому, экипаж мой, идите вперед — и воплотите свою ярчайшую, самую впечатляющую, самую гордую... смерть, на какую вы способны.

□

— ...Так то было прощание.

В соседнем зале для инструктажа, где по центру установили командный стол для наблюдения за авиацией корабля, Шин шептал слова с болью в сердце. Горожане стояли в порту, хотя флот отправился в ночь. Они махали кораблям в знак последнего прощания.

Они... и, быть может, все граждане Стран флота знали. В этой операции оставшийся флот отправился в последнее плавание. Гордость странствий по открытому морю, своего рода национальный символ и девиз Стран флота, сегодня будет потеряна навсегда.

Флотилия Сирот сохраняла радиомолчание, но капитан, вице-капитаны и офицеры разведки пользовались рейд-устройствами, предоставленными им Союзом для мгновенной передачи сообщений через сенсорную синхронизацию. Слова Измаила слышали окружающие суперавианосец три крейсера дальнего плавания, шесть меньших противоловиановых судов и два корабля-разведчика.

За завесой темной ночи и ливня виднелся силуэт мостика на передней части борта крейсера дальнего плавания Бенетнаш*.

[П/П: Название звезды в созвездии Большой Медведицы]

Крена в мягком свете от датчиков на пятом этаже мостика Стеллы Марис — флагманский мостик — заметила, как капитан дает пять вице-капитану.

Какая-то ее часть разума туманно задалась вопросом о причине. Почему? Они отпускают свою гордость. Последние фрагменты того, что формировало их. И люди, которые говорят про схожесть. Почему же они смеются? Говорят, связь с товарищами никогда не изменится.

Эстер имела в виду, что, даже потеряв все остальное, товарищи останутся?

— Тогда...

□

Все суперавианосцы класса Навигатория*, включая Стеллу Марис, имели герметичные носовые части.

[П/П: Альтернативное название Полярной звезды. Забыл еще упомянуть, что Стелла Марис также название Полярной]

Ангар и прилегающий к нему зал ожидания были защищены от дождя и ветра, но шум от них все равно доносился, пусть и слегка приглушенный.

Звук походил скорее на постукивание капель воды или гальки о палубу. Порывы ветра были высоким и низким скрежетом, будто одновременный свист тысячи флейт или боевой клич древнего племени. Теплый и спертый воздух прорезали внезапные вспышки ослепительно-громкой молнии.

Все это — шум первобытного зверства, выгравированный в психике человека как символ безусловного страха. Бушующие небеса. Раскаты отзывались во многих поколениях ревом гнева богов и чудищ.

Процессоры уже закончили подготовку и находились в зале ожидания, замороженно смотря в небо. Они уже были знакомы с бурей, но лишь сейчас плыли в сердце моря, где ничто не мешало бушующей природе.

И учитывая погоду и только что услышанное объявление, с глубин их душ поднялись беспокойство и сомнения, которые они обычно заталкивали поглубже.

Гордость сражений до самого конца... «Восемьдесят шесть» вышли на поле брани только с ней. Потому им сложно было поверить в решимость Стран флота сражаться дальше даже после того, как они отбросили ее. Как они могли и дальше идти в бой, если отказались даже от гордости — той, что определяла их?

Как же они... нашли силы жить дальше?

Этого они понять не могли. У них все забрали; и если придется отпустить еще и гордость, останется ровным счетом ничего, что придавало бы им форму. Если она оставалась единственной... От этой гордости не могли так просто отказаться...

Они не были привыкшими к морским путешествиям, потому покачивание судна под ногами било по чувствам тревогу. Бурное море. Сила волн поднимала корабль, затем опускала, и эта тряска не прекращалась. Они привыкли к интенсивной подвижности в Джаггернаутах, и качание не вызывало тошноту. Но их по-своему трясло от осознания, что от огромной, безграничной бездны их отделяет один слой металлической обшивки.

Это ощущение вселило в них сильное беспокойство. Перед собой они не видели настоящей и постоянной поддержки. Опора оказалась на самом деле ненадежной, хрупкой.

Они выяснили это еще ранее. На поле боя восемьдесят шестого сектора, в заснеженной крепости и теперь здесь, в бескрайнем синем море.

Уже столько раз им напоминали — гордость слишком неопределенная и ломкая, чтобы за нее цепляться. Ничего по-настоящему нерушимого не существовало. В этом мире... потерять можно абсолютно все.

Наученные горьким опытом, страх лишил их слов. Будто напуганные дети, они, затаив дыхание, наблюдали за штормовым небом, что скрежетало безумным, буйным воем.

Отложив микрофон в сторону, капитан Измаил сделал глубокий вдох и занял место.

— Эстер, передаю командование тебе на время инструктажа... Простите за ожидание, полковник Миризе.

— Поняла, Старший брат.

— Нет... Э, капитан Измаил.

Он обернулся — и увидел Лену, всю в слезах. Измаил обратился к ней с беспокойной улыбкой на лице:

— Говорил же, не надо на меня так смотреть... Покуда вы будете вспоминать о нашей стране, нас это вполне устроит.

Это не тема для обсуждения на интегрированном мостике. Были люди, ожидающие инструктажа, и поэтому они вышли в коридор и продолжили разговор.

— Мы всегда считались небольшой страной без крупной промышленности. И при том поддерживали на плаву столь огромный флот на деньги, которых у нас нет. Война все продолжалась, жить становилось тяжелее. Это лишь вопрос времени, когда мы не сможем больше его содержать.

Они спустились по узкой лестнице корабля на первый этаж мостика. Тут же члены экипажа расчистили им путь, отдав честь.

— Сегодня, так уж получилось, настал тот день. Может это и конец, но мы сделаем все, что задумали — и это хорошее завершение.

— Ничего не хорошее.

Они уже собирались открыть дверь в рубку управления полетной палубой, как услышали позади голос. Измаил, поведя бровью, обернулся и заметил в верхней части лестницы юношу на пике подросткового возраста. Он надел форму стальной синевы, которая словно не была подобрана впрок для растущего телосложения, и смотрел на них, тяжело дыша.

Сео.

— Младший лейтенант Рикка.

Лена уже раскрыла рот, чтобы отчитать его, но Измаил прямо обратился к нему. Ей он сказал

идти вперед и подтолкнул миниатюрную спину в рубку, закрыв за ней дверь.

Сео вновь заговорил, не обращая внимания на скрытый смысл в поступке Измаила:

— Они отняли у тебя родину, потом ты потерял свою настоящую семью, да? И теперь отбрасываешь еще и гордость... Как ты можешь мириться с этим?!

Что бы там ни было, Сео так поступить не мог. Скорее всего, на это были способны лишь несколько из «восемьдесят шесть». Некуда вернуться, некого защищать, нечего наследовать. Потерять еще и гордость — волю товарищей, живых и мертвых — пугало их сильнее, чем все остальное.

Так как Измаил и остальные члены экипажа, у кого война уже забрала родину и семью и пришла забрать гордость... просто принимают эту потерю? Да и еще с улыбками на лицах?

— ...Ну, видишь ли.

Измаил кивнул, как если бы лицом к лицу столкнулся с отчаянием в выкрике Сео. На миг задумавшись, он приоткрыл рот.

— Видишь ли, «Николь»... тот скелет левиафана, который ты видел. Изначально ее выставили на показ во дворце губернатора моего родного города.

Сео с подозрением посмотрел на него, неуверенный, с чего вдруг он заговорил об этом. Николь. Скелет левиафана, выставленный на холле базы.

— Когда началась война, и мы вынуждены были бросить наши земли, командир флота погрузил на корабли столько беженцев, сколько смог, и перед отправкой из форта чудом выделил место еще и для нее. Он понимал, война закончится не скоро. Знал, что мы надолго оттуда уберались. Потому взял с собой Николь... с мыслью, что берет символ нашей родины, который поможет поддерживать наш настрой.

Командир флота еще тогда знал, что военно-морские силы Страны флота Клео, вероятно, не продержатся, как символ нации. Как и Стелла Марис или потомки племен Открытого моря, что служили экипажем флота.

Как ни печально, но его предположение подтвердилось. Война с Легионом свирепствовала десять лет: командир флота ушел ко дну морскому вместе с судами страны Клео. Экипаж Стеллы Марис отправился сражаться на сушу, чтобы закрыть оборонительную брешь в крупномасштабном наступлении. Вынужденные вести бой в непривычных условиях, все они там и сгинули.

Но к этому времени единственным наследием Страны флота Клео остались Николь, Стелла

Марис и сам Измаил. И как доказательство существования их страны, Измаил и Стелла Марис завершат свою службу в этой операции. Однако, несмотря на всю боль...

— Тот холл ведь никогда и не предназначался для Николь. Изначально там вывесили последний киль торпедного катера, передающегося поколениями в этом городе.

...находились люди, что чтили их жертвы.

— Ради нас, ради всех тех, кто потерял свои дома в Странах флота, они выделили нам место, чтобы поддержать гордость. Тот город также наш родной. На сегодняшний день этот город — мой дом. Понимаешь, у тебя всегда есть возможность найти что-то новое. Даже если потерял ты абсолютно все. Пока ты жив, всегда найдется что-то не менее важное. Даже если всюду ложь, это может стать реальностью.

Вопреки этим словами, Измаил наградил Сео еле заметной улыбкой. Настолько слабой, что казалось, в любой миг могла исчезнуть и раствориться в безграничных водах моря.

— История Стран флота полна поражений. И говорю я сейчас не об извечных сражениях с левиафанами. По соседству с нами располагаются две крупные державы, что смотрели на нас свысока, насмехались, да отняли хорошие земли. Нам пришлось подхалимничать им, чтобы вернуть наши же территории и сохранить флот, и тем самым получить шанс на выживание... Мы пережили века из поражений и бесчисленных грабежей. Но даже проигрывая, даже когда нас грабили и оставляли без всего, нам приходилось жить дальше. Народ Стран флота понимали это... И так узнал я сам. Мы просто всегда можем найти нечто, к чему будем стремиться.

— Но, а что, если смерть ничего не принесет в конце?

Сео в отрицании покачал головой, словно ребенок, забившийся в истерику. Голос поднялся до крика, но останавливаться он не стал.

— Ты продолжаешь терять все, тебя отвергают, у тебя крадут... А потом умираешь буквально ни за что... Какой смысл в такой смерти, если в итоге даже потерянного не возвращаешь?!

Прямо как в случае бывшего капитана. Он отбросил будущее, семью, и умер в бою. Родина высмеивала его, называла глупцом. Сыну пришлось жить с сомнениями насчет правильности и благородства смерти отца... А в последние мгновения он произнес прощальные слова, призывающие никогда его не прощать.

Он сражался в восемьдесят шестом секторе, как и Сео, но до самого конца не нашел ни единого друга или союзника. Капитан всегда был один.

— Зачем продолжаете переть... на такое поле боя?

— Ну... — Измаил улыбнулся. — Покуда себя не позорю, меня это устраивает. Большого мне и не надо.

Он производил то же впечатление, что и капитан некогда.

Жизнерадостный до одури.

Сильный до глупости.

— Если делать этого не буду, не смогу потом в глаза командиру флота взглянуть. Он может и умер, но жизнь свою потерял, защищая мое племя... Так что, если проживу жизнь с опущенной от стыда головой, получается, он умер напрасно.

†

— Старший брат, возвращаю Вам командование... Пятнадцать минут назад мы потеряли связь с двумя диверсионными флотами. Их последнее сообщение: «Сорок опять выстрелов осталось. Пусть удача будет к вам благосклонна».

— Принято... Теперь наш черед.

Оставшийся боеприпас противника — сорок пять выстрелов.

Оставшееся расстояние — сто сорок километров.

†

Чтобы как можно дольше обмениваться информацией по нынешнему положению с командующим операциями, командир отряда и его зам — Шин и Райден — вместе с Юто и его лейтенантом оставались на флагманском мостике на пятом этаже.

Дождь все еще безжалостно стучал по толстому взрывозащитному окну, через которое мало что было видно из-за брызг воды. Помещение оказалось погружено во тьму — свет выключили, чтобы избежать обнаружения врагом.

Окно сверкнуло от яркой вспышки молнии, пробежавшей по небу, на миг окрасив горизонт в белый. Не прошло и нескольких секунд, как они услышали раскат грома такой громкости, что, казалось, трещал айсберг. Фиолетовые молнии мелькали в промежутках меж облаков, освещая свинцовое небо и море, — без этих вспышек они бы сливались в одно месиво под тиранической завесой бури.

На протяжении многих лет люди сравнивали молнию с драконом в силу текучих движений, имеющих едва ли не органическую схожесть с полетом мифического существа. И еще походила на трещину, проходящую по темному облачному небу.

— ...Эй.

Шин не мог понять, окликнул ли его товарищ или просто пробормотал про себя, и определил это только после того, как повернулся в направлении ошеломленного голоса Райдена. Молния уже прошла, но снаружи все еще было светло. На небе не виднелась луна — не говоря уже о солнце, — чтобы развеять темноту. Нечто вроде звездного света, вроде мельтешения снега, вроде бледно-синего свечения ночесветки. Слабое сияние, растворяющееся во тьме.

Шин понимал, даже если молния ударит прямо в корабль, оконную панель она не пробьет. И все же он приблизился к окну с инстинктивной осторожностью. Выглянул наружу — и дыхание перехватило.

Источником света была сама Стелла Марис.

По краям корпуса, прямо под летной палубой, зажглись сдвоенные 40-см оружейные установки и их дула. Сам мостик также светился. Темнота скрыла носовую часть корабля, но электрический ток осветил ее. Синий, холодный свет, словно блуждающие огоньки.

Мистический свет придавал кораблю иллюзорный вид призрачного судна, веки вечные плывущего по морю с порванными парусами и порушенной мачтой.

Быть может, весь мир — своего рода иллюзия. Человеческая история, гордость. Сам факт наличия людей, когда-либо живших в нем. Ценности человечества, все то, что превозносили и казалось дорогим — все это не более, чем ничего незначащая иллюзия.

Шин крепко стиснул кулаки. Охватившая его пустота остановила сей полет мыслей.

...Это неправда.

Не может быть ею.

Дверь в помещение широко распахнулась, и к ним юркнул член экипажа.

— Ребят! Мы почти зашли в зону Мираж-Шпиля! Будьте готовы!

— Принято.

Шин ушел первым, тогда как Райден и остальные поспешили следом за ним. За спинами громыхнул раскат грома, словно провожая их.

□

Лена наблюдала за сценой со своего места на интегрированном мостике.

— Это...

Синий свет опустился с небес, словно оставленный след от молнии. Будто мерцание холодного пламени. Она задалась вопросом, было ли что-то необычное в этом явлении, но Измаил и экипаж не обращал на него никакого внимания, поскольку сосредоточился на управлении кораблем во время бушующей бури.

Сирена непрерывно вопила, аварийный свет вспыхнул. По мостику слышались выкрики указаний. Поскольку два диверсионных флота уничтожены, им придется идти в лоб, несмотря на целые материнские корабли передовой разведки. Флотилия Сирот намеренно решила пересечь область с самыми бурными волнами, какие обычно предпочитала обходить стороной.

Материнские корабли разведки изначально представляли собой торговые и рыболовные суда, забранные у другой павшей страны. Их не строили с целью бороздить столь бурные волны, и таким образом, они не отваживались заходить в эту часть моря. И поскольку неподалеку находились территории левиафанов, Вороны не летали над этими водами из опасений, что их собьют.

Риск быть обнаруженными в этом районе невелик. Но это лишь вопрос времени, когда они выйдут из укрытия волн.

Оставшееся расстояние — сто десять километров.

По внешней окружности строения флота шесть противолевиафановых кораблей повернули штурвал, расширяя круг. Два судна разведки, возглавляющие формацию, увеличили дальность обнаружения. Они выпустили гидроакустический буй. Выбор не использовать противовоздушный радар обусловлен тем, что с его помощью противнику будет легче засечь их. Они отслеживали приближение материнских кораблей разведки.

Шин прибыл в ангар и отпортовал о приближении Легиона на малой высоте — разведчики.

Через парарейд прошло сообщение от противолевиафанового судна — Хокуракушимон — с самой дальней стороны внешней окружности.

— Старший брат. И все на борту Стеллы Марис. Настала пора нам отплывать. Пусть жизнь ваша будет долгой и здоровой.

Капитаном Хокуракушимон была женщина. Относительно молодая. Оставив на суше двоих детей и мужа — он родился не в племени Открытого моря, — она с улыбкой смотрела в будущее.

— И пусть удача осветит ваш путь, «восемьдесят шесть». Вернитесь как-нибудь сюда, когда на нас снизойдет мир.

Хокуракушимон сменил курс. Правый борт судна отклонился от флота, держащий направление на восток, и теперь плыл на юг. Немногим позже за ним последовало еще одно судно — Альбирео*.

[П/П: Название пятой по яркости звезды в созвездии Лебедя]

Когда силуэты кораблей исчезли за волнами, и набралось достаточно расстояния между ними и флотом, те включили противовоздушные радары, прервав радиомолчание.

Заиграла воодушевляющая песня. По-видимому, весь экипаж под командованием капитана начал ее напевать. Песня про смелых моряков, что отправились на юг по лазурному морю. Песня о несбыточной мечте.

Радар и радиопередача излучали электромагнитные волны по всем направлениям. Они поддерживали радиомолчание из страха раскрыть свое местоположение Легиону. И теперь намеренно его прервали.

Вскоре поднялась большая волна, скрывшая из виду корпуса кораблей, и тогда воздух прорезали залпы пусковых установок, выпустивших свое содержимое; небесную линию огня заполнили дым и пламя.

†

Разведчик зафиксировал появившиеся волны радаров судов. На верхушке военно-морской базы, которую Страны флота именуют Мираж-Шпилем, Морфо получил отчет и повернул 800-мм пушку.

<<Коларе-Один, принято. Открываю ог...>>

Он заметил, как только зафиксировал прицел на примерном местоположении вражеского судна — или, быть может, вражеского флота. Будучи машиной Легиона с высочайшей огневой мощностью и дальностью выстрела, у Морфо имелся свой противовоздушный радар. И система радаров сейчас...

<<Отмена залпа главной башни. Переключение на противовоздушную оборону.>>

...обнаружила множество летящих объектов.

Восемь противовоздушных вращающихся автоматических пушек вместе пришли в движение. Зафиксировали летающие объекты, открыли огонь — сбили большинство ракет.

<<Перехват цели признан невозможным.>>

Одна ракета проскочила через огонь Морфо. Она с близкого расстояния картечью выпустила бомбы на машину. У ракетных установок Стран флота была чрезвычайно низкая точность, компенсировали ее многоствольными установками и одновременными залпами сразу нескольких.

Сработала динамическая защита, которая не дала ракетам пробить броню, но если в то же место попадет еще одна, Морфо получит повреждение.

Противника нужно устранить немедленно.

<<Коларе-Один — материнским кораблям передовой разведки. Выдвигайтесь к указанным координатам.>>

Просчитав траекторию ракет в обратном порядке, машина расшифровала местоположение судов с многоствольной пусковой установкой. Главная башня, прорезая воздух, повернулась в том направлении и навелась на цель.

<<Запрашиваю баллистические измерения. Открываю огонь.>>

†

— Связь с Хокуракушимон и Альбирео потеряна. Предположительно их затопили.

Пока противолевиафановые корабли отводили вражеский огонь, основные силы Флотилии Сирот продолжали нестись к цели. Как только сестринские судна исполнили свой долг, буквально бросившись на линию огня, сразу пришли еще сообщения с двух других противолевиафановых кораблей, располагающихся в строю по правому борту от Стеллы Марис.

— Говорит Альтаир и Мира*. Мы выдвигаемся.

— Мы отправляемся дальше!

[П/П: Альтаир — ярчайшая звезда в созвездии Орла; Мира — двойная звезда в созвездии Кита.]

И после них еще одно сообщение. В этот раз от двух кораблей разведчиков, которые откололись от основного флота. К этому времени остались лишь Стелла Марис, три крейсера дальнего плавания и два противоловиафановых судна. Оставшееся расстояние — сорок километров.

□

Они избегали массивные волны, что вставали на пути подобно крепостным стенам, но как только поле видимости прояснилось, их встретила стена белой мглы. Наступил рассвет, но в этом районе моря утренний туман не частое зрелище. До них дошло только когда они приблизились к завесе — она поднималась ввысь бесконечно. Это был водяной пар, вызванный повышением температуры воды.

Мираж-Шпиль располагался посреди моря, так что это, вероятно, источник энергии. Причина высокой температуры в подводном вулкане. Пар создавался от просочившегося в море тепла. В свою очередь холодный северный ветер охлаждал воду, что и вызывало белую дымку в воздухе.

Приближаясь все ближе к цели, носовая часть Стеллы Марис прошла через белую вуаль. Когда завеса дыма была пройдена, корабль находился всего в тридцати километрах от базы — в пределах дальности стрельбы корабельных орудий.

— Всем крейсерам дальнего плавания и противоловиафановым кораблям — цельсь. Начинайте отсюда, если потребуется. Огонь!

Оставшиеся пять кораблей открыли стрельбу. Каждое орудие и ракетная пусковая установка извергали пламя, чтобы вынудить Морфо отступить и увести внимание от Стеллы Марис. Пушки гремели, их рев словно гнев на одностороннее нападение и скорбь о погибших товарищах на потопленных диверсионных флотах и кораблях.

Через мгновения поднялся пороховой дым, несмотря на свирепый ветер.

А затем через пепельный туман залпов прорвался раскат грома. По диагонали обрушился 800-мм снаряд под сопровождением мощных ударных волн. Он попал в противоловиафановое судно Тíхо* — в строении оно занимало место корабля-разведчика.

[П/П: Скорее всего назван в честь Тихо Браге — датского астронома, который вел точные астрономические наблюдения.]

Снаряд пробил верхнюю палубу, несколько этажей сервисной палубы и жилой блок, и достиг сердца корабля перед двигателем, где наконец толстая броневая обшивка в нижней части корабля остановила его продвижение. Затем снаряд подорвался.

Массивная кинетическая энергия от тарана ракеты и взрыв разорвали Тихо надвое. Носовая

часть корабля и корма запрокинулись к небу, словно в предсмертном крике, после чего их сбило поперечной волной. Остальную часть корабля подхватила другая волна, и море проглотило судно.

А по другую сторону угольно-черной воды, за туманной вуалью и завесой ветра и дождя, на самой верхушке небес, виднелся серый силуэт, сливающийся со свинцовыми облаками. Наконец он попал в поле видимости.

□

— Цель замечена! Время пришло, ребят! Приготовиться!

В ангар наконец ворвался офицер и криком отдал приказ. Палубная команда взялась за лифт, направляя первую группу, которая вторгнется во вражескую базу, на взлетную палубу. Шесть агрегатов со сложенными ногами забрались разом.

Среди них — Могильщик и Шин, находясь в нем, посмотрел наверх. В ушах стояли рев ветра и непрекращающийся вой пастухов. Одной только какофонии от голоса Морфо — пастуха — хватало, чтобы боевые кличи звучали так громко, словно целая армия непрерывно палит по своей цели.

Поскольку палуба предназначалась для запуска авиации, а не людей, лифт не был оснащен стенами или потолком, которые бы блокировали ветер. Покинув ангар, на Джаггернаутов тут же повалились сильные боковые порывы с каплями дождя. С каждым этажом, который проходил лифт, ветер становился все сильнее и яростнее. В море ничего не мешало буре. Порывы оказались столь сильны, что Шин не мог избавиться от опасений, что даже Регинлейв с его весом в десять тонн может сдуть.

Если на этом фердресе попытаться беззаботно выйти на ветреную полетную палубу, высок риск опрокинуться. Шин осторожно снял блокировку ног Могильщика и в устойчивом приседе ступил из лифта на носовую часть авианосца, выйдя на взлетно-посадочную полосу, которая охватывала переднюю часть корабля. Достигнув конца полосы, он присел и остался в режиме ожидания.

В облаках под льющимся дождем мелькнула вспышка молнии; свет отразился от капель и на мгновение залил поле видимости. Шина белым цветом. Мрак и грохот грома вызвал у него чувства страха и удушья, словно он тонул в холодных глубинах темного моря. Черные тучи над головой — водная поверхность, а летная палуба, о которую стучал дождь — морское дно.

Грозовые облака закрыли небо и погрузили мир во тьму. Бесчисленные капли хлестали по палубе, создавая непрекращающееся дребезжание. Огромный объем воды, свалившийся на них словно сами небеса упали на голову, оказывал удушливое давление, внушающее благоговейный ужас.

Более того, выйди он из Джаггернаута и раскрой тело стихии, скорее всего, даже вздохнуть не сможет. Настолько сильными были порывы ветра и вода, бьющиеся о слой брони.

А вдалеке над ними возвышалась стальная башня, чья вершина лишь едва прослеживалась на таком расстоянии. Но даже на фоне грозового неба, покрытого черными тучами, была заметна поднимающаяся тень.

Вероятно, сработала оборонная система для защиты вражеского орудия. Наверху установлен прочный, словно раковина, гигантский свод. Его поддерживали металлические опоры, установленные на манер когтей. Из свода выглянул мелькающий синим оптический сенсор, будто блуждающий огонек. Ствол напоминал пару копий — по направляющим танцевали слабые электрические щупальца.

Тот в ответ посмотрел на них. Холодно. Надменно.

С громким грохотом два его посверкивающих серебряных крыла потянулись к небесам.

Морфо.

□

— Оставшееся расстояние — пять километров. Оставшийся боеприпас — один выстрел!

— Глотни этого, металлический отброс!

Артиллерийская перестрелка велась в самом разгаре. Последнее оставшееся противолевиафановое судно пересекло пять тысяч метров. Также остались целыми три крейсера дальнего плавания. Один из них, именуемый Василиском, оторвался от остальных кораблей и ринулся прямо к Мираж-Шпилю, его две 40-см пушки палили безостановочно.

Пока гремели их орудия, на корабле во всю горели прожектора, радар и радио работали на полную силу, а экипаж выкрикивал указания продолжать стрелять, чтобы отвлекать внимание противника на себя. Как и было задумано, ствол Морфо повернулся в направлении безрассудного наступления.

Верхушка опоры засияла в тот миг, когда Морфо выпустил дуговой разряд с вспышкой, напоминающей молнию. Его рельсовая пушка стреляла с начальной скоростью в восемь тысяч метров в секунду — едва ствол содрогался, снаряд в тот же миг поражал цель. Но несмотря на это, Василиску, к удивлению, удалось уйти с линии сверх быстрого огня, уведя левый борт. Весь бой они наблюдали за особенностями ведения цели призрака, обитающего в Морфо, и это позволило им вытворить поразительный маневр уклонения.

Последний 800-мм снаряд машины влетел в волны, образовав концентричный цунами, которое прошло не только над Василиском, но и над другими крейсерами дальнего плавания: Бенетнаш и Денебола*.

[П/П: Вторая по яркости звезда в созвездии Льва.]

Их снаряды — запустили на случай, если у Морфо в запасе еще остался боеприпас — создали взрывы и ударные волны, ослепившие сенсоры машины, что вынудило его немного отступить.

А под башней Стелла Марис продолжала переть вперед на максимальном боевом ходе. Мираж-Шпиль становился все ближе. К этому времени они приблизились настолько близко, что с интегрированного мостика уже нельзя было охватить взглядом весь его размер, все то величие. Прямо из воды тянулись перпендикулярно бетонные столбы — ширина каждой позволяла уместить на одной сразу несколько сооружений. Шесть колонн образовывали шестиугольник, а в небо вздымалась шестиконечная призма — сама крепость.

Внешние стены сооружения, словно чешуя, покрывали полупрозрачные солнечные панели, что в ливень окрасились в белый. Через них не проглядывалось внутреннее устройство. Крепость была сто двадцать метров в высоту. По форме походила на насест мифического дракона, живущего в море. И тянулась все выше и выше; одна только мысль о том, чтобы взобраться на нее, казалась бесконечным кошмаром.

Стелла Марис приблизилась к основанию крепости, одной из шести бетонных колонн. Рулевой, наверное, попался совсем без страха — он не стал замедляться и практически влетел в колонну бортом корабля. Тем не менее маневр был проделан с безупречной точностью. Металл не издал скрежета, и судно остановилось рядом с возвышающимся бетонным палисадом.

□

Шин и его группа наблюдала за сим действием с полетной палубы. Выглядело так, словно целенаправленное самоубийство. Корабль мчался к бетонной скале — у них перехватило дыхание, глаза распахнулись в ожидании удара. Но прямо перед столкновением суперавианосец внезапно повернул штурвал, и носовая часть борта остановилась возле крепости.

Отсюда основание колонны служило препятствием для противника, а значит ударный отряд может забраться, не открываясь под вражеский огонь.

Операция началась.

Мышление Шина поменялось, будто в мозгу сработал переключатель. Он невольно вывел Могильщика из приседа с поджатыми ногами в стоячее положение. Сознание, отточенное и подстроенное под сражения, заглушило концепт страха или давления от опасности природы.

Уши уловили приказ Лены.

— Артиллерия, открыть огонь! Отряд «Остриё копья», вперед!

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1547268>